

Ямалова Эльвира Наилевна

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН БАЛТИИ**

Целью исследования является раскрытие факторов, определивших диверсификацию экономического развития балтийских стран в постсоветский период. Особое внимание уделено факторам исторического и политического характера. В статье предлагается объяснительная модель детерминант влияния на экономическое развитие, в рамках которой уточняются причинно-следственные связи между историческими, культурными, политическими и экономическими факторами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/59.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. I. С. 210-214. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 323.11

Политология

Целью исследования является раскрытие факторов, определивших диверсификацию экономического развития балтийских стран в постсоветский период. Особое внимание уделено факторам исторического и политического характера. В статье предлагается объяснительная модель детерминант влияния на экономическое развитие, в рамках которой уточняются причинно-следственные связи между историческими, культурными, политическими и экономическими факторами.

Ключевые слова и фразы: страны Балтии; постсоветские трансформации; постсоветское пространство; политический процесс; экономическое развитие; политические факторы; модернизация.

Ямалова Эльвира Наилевна, к. полит. н.

Бакирский государственный университет

yamalovaen@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН БАЛТИИ[©]

Из всех стран бывшего СССР государства Балтии отличаются особой траекторией политического и экономического развития. Латвия, Литва и Эстония стали скорее исключением в общем тренде постсоветских трансформаций. Если страны Центральной Азии и Кавказа пошли по пути сохранения разных форм авторитаризма, а европейские республики бывшего СССР оказались в переходной зоне транзита, то балтийские государства продемонстрировали вполне успешные реформы. Действительно, этим республикам сравнительно за короткий период удалось построить эффективные рыночные механизмы, преодолеть экономическую рецессию, сформировать основы демократической политической системы. Наглядным подтверждением успешности реформ стало вхождение балтийских государств в Европейский Союз, которое состоялось в 2004 г.

Объяснения диверсификации политического и экономического развития постсоветских стран связаны с разными их стартовыми условиями как социально-экономического, так и культурно-исторического плана. В то же время при более близком рассмотрении оказывается, что траектории реформ и последовательность их проведения не были одинаковыми в трех странах Балтии. Если различия между Балтией и государствами Центральной Азии вполне очевидны, то сравнение случаев внутри группы стран с очень схожими характеристиками дает возможность исследовать иные причинно-следственные связи и закономерности постсоветского развития, не сводимые к структурным факторам исторического или культурного типа. В этом смысле сравнительный анализ постсоветского развития близких друг к другу государств, к каковым относятся страны Балтии, может быть весьма плодотворным и теоретически важным.

Основные данные, фиксирующие результаты постсоветских трансформаций, показывают существенное превосходство Эстонии в сравнении с развитием Латвии и Литвы. Эстония куда более успешно и безболезненно прошла период преобразований по сравнению со своими балтийскими соседями. Так, данные динамики ВВП показывают, что Эстония имела менее глубокий экономический спад. Во всех трех балтийских республиках экономический спад продолжался в период 1989-1992 гг., после чего наметился подъем. Однако глубина этого спада была различной, Эстония заметно выделяется в сравнении с Литвой и Латвией, у которых экономическое падение оказалось более резким и значительным (см. Рис. 1) [6].

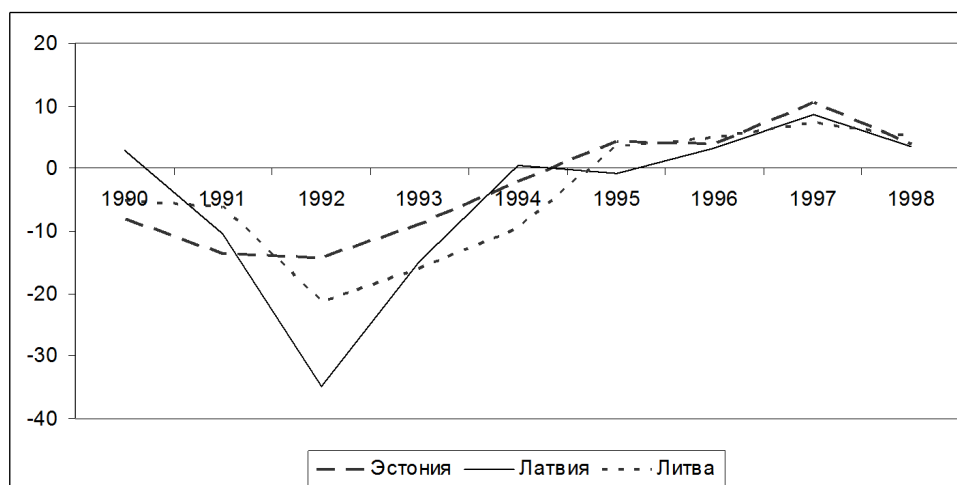

Рис. 1. Динамика ВВП в странах Балтии (1990-1998 гг.)

К 1998 г. в Эстонии уровень ВВП по сравнению с 1989 г. достиг 76%. В Литве тот же показатель был равен 65%, а в Латвии только 59% (см. Табл. 1) [Ibidem].

Таблица 1.

Динамика ВВП в странах Балтии и уровень ВВП 1998 г. к 1989 г.

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	ВВП 1998 к 1989
Эстония	-8,1	-13,6	-14,2	-9,0	-2,0	4,3	3,9	10,6	4,0	76
Латвия	2,9	-10,4	-34,9	-14,9	0,6	-0,8	3,3	8,6	3,6	59
Литва	-5,0	-6,2	-21,3	-16,0	-9,5	3,5	4,9	7,4	5,2	65

Хотя к 1998 г. у всех балтийских государств уровень ВВП стал приблизительно равным, качественный экономический рост Эстонии все же отличался. К 2004 г. Эстония стала единственной страной Балтии, которая достигла уровня ВВП 1989 г. Но самое главное – экономический рост «эстонского чуда» был обусловлен развитием наукоемких технологий, в то время как в Латвии и Литве экономический базис продолжает основываться на традиционной индустрии [9].

В данной статье предпринята попытка объяснить эти различия и раскрыть причины более успешных реформ Эстонии в сравнительной перспективе.

Существующие теории объяснения «эстонского экономического чуда» условно можно разбить на четыре группы: демографические, экономические, политические и историко-культурные.

Прежде всего, следует сразу отвергнуть объяснения *демографического* плана с акцентом на специфику этнической структуры балтийских обществ. Хотя разница в этнической структуре трех балтийских республик очевидна, нет оснований считать, что этот фактор оказал ключевое влияние на экономическое развитие. Действительно, интенсивный миграционный поток русскоязычного населения, который происходил в советский период, привел к существенным и различным диспропорциям в этнической структуре балтийских государств. Так, в Эстонии доля титульного этноса к 1989 г. сократилась до 62%, а в Латвии – до 52%. Исключение составляет Литва, где приток мигрантов был сравнительно невысоким, и доля этнических литовцев осталась доминирующей – 80% [2, с. 199]. Таким образом, разница долей русскоязычного населения в структуре балтийских обществ не может быть переменной, удовлетворительно объясняющей специфику экономического развития. Латвия, где, как и в Эстонии, русские представляли значительную долю в общей этнической социальной структуре, в своем экономическом развитии имела больше общего с Литвой, чем с Эстонией. В свою очередь, Эстония, имеющая по этому параметру сходство с Латвией, но отличающаяся от Литвы, в равной мере оказалась в экономическом развитии более успешной, чем ее соседи.

Экономическое объяснение строится на учете специфики географического расположения балтийских государств, а также их разнице с точки зрения исходных экономических условий накануне трансформаций начала 1990-х гг. Так, ряд ученых обращают внимание на географическую близость Эстонии к Финляндии, указывая, что это позволило не только ориентироваться на более передовые экономические институты, но и развивать экономические связи с Финляндией, используя ее в качестве «экономического локомотива» [7; 8]. Критика этой точки зрения состоит в том, что в начале 1990-х гг. Финляндия переживала экономическую рецессию и не имела существенных преимуществ по сравнению с другими европейскими странами. Поэтому восполнить экономические потери Эстонии, связанные с разрывом традиционных связей с СССР, она была не в состоянии. Кроме того, географическая локализация Латвии и Литвы, которые расположены ближе, чем Эстония, к экономическому европейскому ядру в виде стран Восточной и Центральной Европы, предоставляла даже большие преимущества, чем близость Эстонии к Финляндии. Тем более что для интенсификации экономических связей Латвия и Литва обладали развитыми морскими портами, расположенными в местах круглогодичного судоходства и избавленными от проблемы сезонного обледенения торговых морских путей [11].

Другой ракурс экономического объяснения рассматриваемого вопроса связан с утверждением ряда исследователей, что уровень модернизации и развитие человеческого капитала в Эстонии накануне трансформаций были выше, что и предопределило успех экономического развития этой страны в 1990-х гг. [10, р. 175]. С другой стороны, существуют иные данные, указывающие на то, что разница в исходном экономическом положении между тремя балтийскими республиками накануне реформ не являлась слишком существенной. Так, из основных макроэкономических показателей Европейского банка реконструкции и развития следует, что Эстония по этому параметру была ближе к своим соседям в виде Латвии и Литвы и отличалась существенно в худшую сторону по сравнению с Польшей, Венгрией или Чехией [6]. Тем не менее, изначально низкие условия не помешали Эстонии добиться экономических реформ, которые позволили ей приблизиться к показателям более развитых стран Восточной Европы. Одновременно с этим экономические успехи Литвы и Латвии оказались более скромными. Поэтому объяснение, указывающее на разницу исходных экономических показателей, можно признать как минимум спорным.

Политическая гипотеза исходит из тезиса о разнице политического контекста в балтийских странах. В данном случае имеется в виду тот факт, что в Литве в результате парламентских выборов 1992 г. к власти пришли бывшие коммунисты в виде «Рабочей демократической партии Литвы» [4, с. 89-95]. Это имело влияние на стратегию реформ и выбор экономического курса, которые оказались в Литве более градуалистскими, учитывающими интересы различных групп, что негативно сказывалось на последовательности рыночных

преобразований и их общей эффективности [5, p. 109-112]. В Эстонии и Латвии крах экс-коммунистов объясняется спецификой принятого законодательства о гражданстве, которое, лишив политических прав русскоязычное население, отсекло их от участия в электоральной борьбе и тем самым минимизировало политическое влияние левых партий, выступающих за более умеренный рыночный экономический курс. Таким образом, этнократический характер политической системы Эстонии и Латвии называется главной объяснительной переменной, обусловившей диверсификацию экономического развития балтийских республик.

Данное объяснение вызывает скепсис в связи с несколькими обстоятельствами. Во-первых, пример Литвы показывает, что экс-коммунисты могут прийти к власти даже при отсутствии значительной доли русскоязычного населения, и поэтому считать, что большая доля мигрантов и законодательные меры по ограничению их политических прав гарантируют более либеральные электоральные исходы и, соответственно, более рыночный характер экономического курса, нет никаких оснований. Во-вторых, приход к власти экс-коммунистов в разные периоды происходил в других странах Восточной Европы. При этом наличие данного факта не обязательно приводило к ухудшению экономических преобразований. Так, если Болгария и Румыния, где политическая реанимация экс-коммунистов состоялась, действительно могут рассматриваться в качестве аутсайдеров в экономическом реформировании, то политические победы левых сил в Польше и Венгрии никак не отразились на степени экономических успехов этих стран. Таким образом, гипотеза о негативном влиянии левых политических сил на экономические реформы не подтверждается эмпирически. Наконец, в-третьих, случай Латвии говорит о том, что политические факторы и законодательство в области предоставления гражданства не могут быть удовлетворительным объяснением последующего экономического развития, поскольку эта республика на старте трансформаций имела очень схожие характеристики с Эстонией. Однако траектория социально-экономической трансформации в итоге сблизила Латвию с Литвой, а не с Эстонией.

Представители *историко-культурного подхода* главную объяснительную переменную видят в советском наследии, утверждая, что развитие в рамках СССР у каждой из трех балтийских республик имело специфику. Эстония в ходе советского развития смогла получить больше выгод в плане развития кадров, управленческого персонала и доли грамотности населения, что стало ее конкурентным преимуществом в процессе постсоветских трансформаций [4, с. 29-40]. Это объяснение, однако, тоже имеет проблемы в плане эмпирического обоснования.

Еще одной версией культурологического подхода является тезис о роли досоветского исторического и культурного наследия, характер которого имел отличия в каждой из балтийских стран. На основе анализа данных социологических опросов 1990 г. К. Матусч утверждает, что три балтийских республики имели существенные различия в культурных ценностях и нормативных ориентациях на уровне массового сознания. Литовцы, несмотря на десятилетия коммунистической власти, сохранили сильную религиозную веру. Кроме того, они, в сравнении с эстонцами, в большей мере разделяют патриархальные ценности, коллективизм и патерналистские установки. Напротив, среди эстонцев доминируют светские ценности, индивидуализм, нацеленность на личный успех и симпатии к капиталистическим экономическим отношениям. Латыши в этой ценностной шкале занимают промежуточное положение между эстонцами и литовцами [11, p. 28-29].

Традиционные ценности, которые в большей мере свойственны литовцам, можно объяснить разницей наследия прошлого. Но не только советского, но и досоветского. В сравнении с Латвией и Эстонией Литва в советский период подверглась меньшему притоку русскоязычных мигрантов, что также означало меньший уровень индустриализации. Это можно рассматривать как объяснение того, почему в Литве сельское население в меньшей мере было подвергнуто процессам модернизации и традиционные ценности сохранили доминирование. Однако в целом советское правительство рассматривало три балтийские республики как единый объект (Прибалтика) и распространяло на них универсальные управленческие, институциональные и экономические практики. В этой связи необходимо также учитывать разницу исторического наследия досоветского периода балтийских народов.

Для анализа досоветского развития в поисках причин различий постсоветского развития балтийских республик вполне актуальным видится подход М. Вебера и его тезис о благоприятном влиянии на развитие капиталистических отношений «этики протестантизма» [1]. Действительно, если посмотреть на досоветскую историю балтийских народов, то разительным отличием между ними выступает разница религиозных традиций. Если в Эстонии и Латвии распространилась версия протестантизма в виде лютеранства, то в Литве доминирующей религией оказался католицизм.

Досоветское развитие балтийских стран демонстрирует справедливость суждений М. Вебера о роли религиозных систем в темпах модернизации. Именно в протестантских Эстонии и Латвии процессы урбанизации шли значительно быстрее. Уже к началу XX в. в поселенческой структуре Эстонии доминировали горожане. В Латвии к этому же периоду городское население составляло 42%. В отличие от них Литва оставалась преимущественно сельским и традиционным обществом [4, с. 23]. Не случайно многие исследователи, сравнивая балтийские республики, называют ее «Балтийской Италией», указывая на многие схожие характеристики между севером и югом Италии. Подобно индустриально развитому итальянскому северу, Эстония и Латвия демонстрируют более высокий уровень развития человеческого капитала и рыночных отношений. В этом смысле Литва играет роль итальянской Сицилии с характерным для более традиционного общества распространением практик, связанных с коллективизмом, патриархальностью, клановостью, коррупцией и гораздо менее привлекательной институциональной средой для развития рынка и капитализма, основанных на принципах свободной конкуренции [3]. В этом плане очень характерным представляется тот факт, что из всех балтийских республик на современном этапе только литовская этническая мафия имеет авторитет в международном криминальном мире [11, p. 33].

Признавая важность историко-культурного фактора как детерминанты, обусловившей разные социально-экономические траектории развития балтийских государств, нельзя сказать, что влияние экономических, демографических и политических факторов было нулевым. Скорее всего, каждый из этих факторов вносил свое влияние в трансформационные процессы. В этом смысле важно выявить причинно-следственные взаимосвязи разных факторов и природу влияния одного на другой.

Можно предположить, что разные исторические и религиозные традиции изначально задали неравные исходные условия накануне постсоветских трансформаций в трех балтийских республиках. Однако успех Эстонии нельзя объяснить только наследием прошлого. Скорее, это наследие удачно синтезировалось с другими факторами экономического, политического, демографического и географического плана. Так, безусловно, более интенсивное влияние европейской культуры способствовало прозападному вектору развития всех трех стран Балтии. Но пример Эстонии, демонстрирующей более успешное движение в этом направлении, показывает, что эффект этого влияния зависит также и от внутреннего контекста развития конкретной политики. Распространение этики протестантизма и индивидуальных ценностей создавало более прозападную институциональную среду и более легкое восприятие населением Эстонии норм западного общества. В этом смысле благоприятное географическое расположение Эстонии реализовывалось не столько посредством реальных экономических связей, сколько общностью языка и культуры. Это позволяло эстонцам даже в советский период не терять информационных и культурных связей с Европой, поскольку они могли принимать сигналы финляндского телевидения и получать альтернативные точки зрения даже в условиях коммунистического авторитаризма. С этой точки зрения географическое расположение Латвии и Литвы было хуже, поскольку не позволяло реализовывать подобную информационную коммуникацию. В то же время еще раз необходимо отметить, что в данном случае ключевую роль играла не сама пространственная локализация страны, а общность культуры эстонцев и финнов, не имеющих жестких языковых преград. Географическую близость можно рассматривать как дополнительное преимущество, которое усиливало этот эффект, но не определяло его.

Более «западные» традиции Эстонии были удачно использованы постсоветским правительством этой страны для формирования привлекательного инвестиционного имиджа. Успех «эстонского чуда» во многом был обусловлен масштабными инвестициями, которые пришли от европейского бизнеса. В сравнении с другими балтийскими странами преимущество Эстонии по привлечению инвестиций оказалось более чем значительным. Так, к 1995 г. эстонское правительство смогло привлечь инвестиционных средств на сумму более чем 336 млн долл., в то время как Латвия получила 143 млн, а Литва всего лишь 42 млн [5, р. 123]. Не будет преувеличением сказать, что разница в инвестиционной привлекательности и успехе экономических реформ зависела не только от действий правительства, но и от более широкого делового и социального контекста, который уже, в свою очередь, был обусловлен не столько мерами политических элит, сколько поведенческими и институциональными практиками, которые воспроизводили широкие массы. Разница этого уровня экономических отношений была обусловлена историческими и культурными детерминантами.

Таким образом, наследие прошлого, соприкасаясь с современными факторами демографического, социально-экономического и политического характера, приводило к мультипликационному эффекту, усиливая друг друга и порождая новые последствия для экономического роста.

Представленный анализ постсоветского развития стран Балтии позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Причины более эффективной экономической стратегии Эстонии по сравнению с Литвой и Латвией связаны не с одним единственным фактором, а с комплексом детерминант, удачная взаимосвязь которых определила специфику вектора трансформационных процессов.

2. Политические факторы прошлого, определившие религиозные и культурные традиции досоветской эпохи в виде протестантизма в Эстонии и Латвии, обусловили более интенсивный темп индустриализации и урбанизации этих стран в сравнении с Литвой. В советский период эти модернизационные параметры между тремя балтийскими республиками несколько выровнялись. Однако в постсоветский период стали работать новые политические факторы, которые в синтезе с историческим и культурным наследием обусловили дальнейшую дифференциацию экономических трендов. Языковая и институциональная близость Эстонии с Финляндией позволила сохранить коммуникационные связи этой республики с Европой даже в условиях закрытой советской политической системы. Это обусловило быструю консолидацию рыночных институтов на уровне массовых поведенческих практик и стало важным конкурентным преимуществом для формирования привлекательного инвестиционного имиджа. Латвия и в особенности Литва не имели данных факторов, что обусловило их более проблемный вектор экономического развития, даже несмотря на более выгодную географическую локализацию относительно ведущих европейских экономических центров.

3. Анализ случаев постсоветского развития стран Балтии позволяет внести некоторые уточнения в политические концепты, объясняющие логику социально-политических трансформаций. В дискуссиях о роли структурных и процедурных факторов в определении вектора развития страны балтийский опыт свидетельствует о значимости культурных и исторических детерминант. Другими словами, структурные факторы имеют значение, и, анализируя причины политической диверсификации, важно учитывать то, что хотя политические решения принимают политики, они ограничены некоторыми структурными рамками, важнейшими из которых являются исторически-культурные традиции. Поэтому более глубокий анализ исследуемого аспекта требует учета политических факторов во взаимосвязи с рядом других.

4. Данные выводы имеют важное значение для исследований российского постсоветского развития. Очевидно, что структурные факторы исторического, религиозного и культурного типов в России имели существенную

специфику и еще большую дистанцию от западноевропейского ареала. В связи с этим рамки возможностей для российских политиков в реализации политических и экономических реформ были более ограниченными.

5. Вместе с тем примеры сравнительно успешных политических и экономических реформ в ряде стран Азии (Ю. Корея, Таиланд, Монголия) позволяют предположить, что культурные и исторические особенности не всегда являются препятствием для прозападного и рыночного развития. Таким образом, проблематика причинно-следственных связей, определяющих конкретные траектории социально-политического и экономического развития современных государств, требует дальнейшего развития и является перспективным направлением исследований политической науки на современном этапе.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Национальный состав населения СССР (по данным переписи населения 1989 г.). М.: Финансы и статистика, 1990. 356 с.
3. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.
4. Фурман Е. Д. Становление партийной системы в постсоветской Литве. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 200 с.
5. Aslund A. Building Capitalism: The Transformation of the Former Soviet Bloc. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 532 p.
6. European Bank for Reconstruction and Development. The Baltic States: A Regional Economic Assessment 1999/2000. Paris: EBRD, 2000. 187 p.
7. Kala A. Estonian Foreign Trade Relations with Baltic Countries and CIS Member States. Tallinn: Institute of Economics, Estonian Academy of Sciences, 1994. 298 p.
8. Kallas S. Estonia and the European Union // European Business Journal. 1996. № 3. P. 13-20.
9. Laar M. The Estonian Economic Miracle // Background. 2007. August 7. P. 1-12.
10. Nørgaard O. Economic Institutions and Democratic Reform: A Comparative Analysis of Post-Communist Countries. Cheltenham: Edward Elgar, 2000. 220 p.
11. Norkus Z. Why Did Estonia Perform Best? The North – South Gap in the Postsocialist Economic Transition of the Baltic States // Journal of Baltic Studies. 2007. Vol. 38. № 1. P. 21-42.

POLITICAL FACTORS OF DIVERSIFICATION OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE POST-SOVIET BALTIC COUNTRIES

Yamalova El'vira Nailevna, Ph. D. in Political Sciences
Bashkir State University
yamalovaen@mail.ru

The aim of the research is to reveal factors that determined the diversification of the economic development of the Baltic countries in the post-Soviet period. Particular attention is paid to the factors of historical and political nature. The article proposes an explanatory model of the determinants of the influence of economic development, within the frames of which cause and effect relationships between historical, cultural, political and economic factors are specified.

Key words and phrases: the Baltic countries; the post-Soviet transformations; the post-Soviet space; political process; economic development; political factors; modernization.

УДК 130.2

Философские науки

Данная статья посвящена философскому осмыслению роли повседневных практик горожан в удовлетворении их потребности в социокультурных ценностях. Особое внимание уделяется особенностям формирования повседневного архитектурного пространства современного города как транслятора социально значимых ценностей. Также приводятся конкретные примеры подобного пространства и уже реализованных попыток его формирования в данном направлении.

Ключевые слова и фразы: архитектурное пространство; повседневность; пространство повседневности; культурные ценности; эстетика.

Янин Кирилл Дмитриевич

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет
yshatana3ryki@mail.ru

ПРОСТРАНСТВО ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА КАК ТРАНСЛЯТОР СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЦЕННОСТЕЙ[©]

Прошедший 2014 год был объявлен годом культуры в России, и он ознаменовался проведением множества культурных мероприятий и реализацией новых, интересных проектов. Все мероприятия – от грандиозных